

РАССКАЗЫ

УГАДАЙ, ГДЕ Я

1.

Он позвонил, когда я остужал суп с куриными почками. За окном мела та особая пурга, которая бывает только первого января — предвестник сложного, тяжелого года. Метель выморозила начисто все улицы, облизала тротуары, крыши и фасады, забила мелким колючим снегом стекла осиротевших во дворе машин. Город был пуст, дик и темен, люди стали чужие ему; а я разогрел суп и, глядя на золотистые блинчики жира в треснувшей старой тарелке, ждал, пока смогу проглотить ложку и не обжечься.

— Угадай, где я, — сказал весело твердый и звонкий голос.

— Не собираюсь, — ответил я, но ему был безразличен мой хмурый тон, как и наша пурга, как и наши пустые пространства окраин большого зимнего города.

— Я в Вальпараисо, — объявил он. — Сажу на склоне холма Консепсьон и смотрю на Тихий океан. Ты знаешь, он здесь удивительно синий, почти фиолетовый. Вчера я приехал сюда из Ла-Серены, там меня возили в Пунта-де-Чорос, и я наблюдал пингвинов Гумбольдта, тюленей и морских львов. По склонам здесь теснятся пестрые дома, их обнимают мощные узкие улочки, по которым бегают троллейбусы — между прочим, самые старые в мире! А над бухтой громоздятся кучевые облака — они, знаешь, как отражение гор, но горы круче, выше, хотя до них рукой подать, а к холмам можно подняться на фуникулерах — их здесь шестнадцать штук, выбирай любой!

— Послушай, у меня стынет суп, — сказал я с досадой. — Я только что пришел с дежурства и даже Новый год еще не праздновал. У меня сейчас остынет суп с почками, а я голодный.

— А ветер, если бы ты знал, какие запахи несет этот ветер! Запах морской соли и машинного масла из порта, свежей рыбы с Калета-эль-Мембрильо, пряностей с рынка, зеленой травы парков Винья-дель-Мар... Ругань иностранных моряков, заносчивость чилийских солдат и зазывные крики торговцев, сладкая упругая кожа местных девушек — вот что заключено в этом ветре, старина.

— Мой суп...

— А музыка, какая здесь чудесная музыка! Прямо на улицах, в ресторанах, барах — старинная, дивная музыка, да, и танго, старина, танго — все, кроме «Adios, muchachos», этого тебе здесь не сыграют, музыканты не любят этой песни, они считают ее плохой приметой.

— Почему? — сдался я.

Борис Борисович Петров родился в 1976 году в Москве. Учился на историческом факультете МГУ, который не окончил. Работает в сфере журналистики.

— Потому что это песня про то, как герой теряет молодость и больше не хочет развлекаться — это песня не для Вальпараисо, не для этого города, дружок!

— Все, я хочу пообедать и пойти спать, — объявил я и положил трубку.

Суп, конечно, совсем остыл, но у меня слипались глаза, и я съел его холодным, почти не почувствовав вкуса.

— Кто звонил? — спросила жена.

— Да опять этот путешественник, — пробурчал я.

Жена зашуршала одеялом, зажгла ночник:

— Откуда же на этот раз?

— Вальпараисо, — выплюнул я изо рта засевшее там незнакомое, чужое название города на другом конце земли. — Ненормальный! Как он мне надоел. Уже с десятков лет звонит и требует угадать, где он. Придурок. Какое мне дело, где его носит нелегкая.

— Вальпараисо, — вздохнула жена, и я увидел, как разглаживаются морщинки вокруг ее наполненных сном глаз. — Это в Чили?

— Да, в Чили. У черта на куличках.

— Как славно, — прошептала жена, снова засыпая, и мне показалось, что она стала чуточку моложе.

На следующий день непогода не унялась, а разыгралась еще пуще: даже дворников убрала из дворов, ломала мертвые черные сучья, громыхала на выстуженных крышах. Я валялся в постели и слушал, как пурга воет в арках, и вдруг в арию мороза и ветра вплеся теплый звук: жена пела.

Она вытирала пыль с книг, пританцовывая, двигалась вдоль полок и напевала что-то себе под нос, и я уловил в мелодии знакомый ритм — кажется, это было танго, да — танго, под эту песню мы коротали на пляже в Одессе ласковую летнюю ночь. На пляже Ланжерон с ритма танго началась наша любовь, жена тогда напоминала статуэтку, и я бережно обнимал ее, потому что боялся ненароком сломать тонкую талию; подумать только, как давно это было!

Странные мысли приходят с утра в голову, подумал я и разозлился.

— Ты что поешь? — крикнул я недовольно.

— Вдруг пришла мне в голову мелодия, — откликнулась жена и задумалась. — Откуда я ее знаю?

Я не стал говорить откуда. Была моя очередь готовить, и я занялся обедом, подавив раздражение в нарезке отбивных, которые я яростно расплющил на разделочной доске.

2.

Зима продолжилась обвальными снегопадами, в которых буксовали автобусы, застревали самолеты, а люди казались пришельцами с планеты снеговиков. Звонок раздался на работе, во второй половине дня, когда до конца смены остается час и в голову приходит трусливая мыслишка о том, что, в сущности, никто и не заметит, если я уйду прямо сейчас. Я, допечатывая репортаж, прижал трубку плечом к уху, думая, что меня беспокоят по делу, но в меня ударил энергичный голос:

— Угадай, где я?

— Послушай, я сейчас занят...

— Я только что вернулся с рыбалки в Кульякан. Кульякан, столица штата Синалоа. Ты читал Реверте? Вот я здесь, только что ходил на рыбалку с местными нарко-

баронами. Ха, это славные ребята, старина, на редкость славные, даже иногда застенчивые и сентиментальные — до тех пор, пока ты не скажешь лишнего. Этот испанец здорово написал о Кульякане!

— Позвони попозже, мне надо сдать статью...

— С балкона гостиницы мне видны прелестные невысокие горы — Западная Сьерра Мадре, у них вершины плоские, будто стесанные. И, конечно же, собор Пресвятой Девы Марии — бело-розовые башни заметны с любой окраины. Ну, а если охота полюбоваться на сам город, то это надо взобраться на холм — пройтись немного, растряссти жирок — и достигнуть другой церкви — Гваделупской Богоматери, вот откуда открываются первоклассные пейзажи! А потом иди гулять и зайди на площадь Альваро Обрегона, полюбуешься там на мимов и клоунов... И зайди, выпей текилы. Здесь нельзя не выпить текилы, дружище!

— Какая текила? Я работаю, понимаешь? Я сейчас положу трубку. Что за у тебя дурная привычка...

— Вчера мы с одним местным парнем поймали большую рыбу — марлина. Ох, и потаскала она нас! Послушай, это невероятно, какая же она сильная — с копьем на морде, мощными серебристыми боками и темно-синей покатою спиной. В основном с ней боролся мой друг, и он был просто великолепен в этой борьбе. Ты знаешь, в нем есть кровь племени яки, метис, стало быть, — и вот в нем проступило все индейское, и на крестьянском лице, и в упрямой коренастой фигуре; он водил рыбу, а та ходила кругами, пыталась нырнуть, а потом выпрыгнула из воды, и я чуть было не упал за борт от изумления — какая она огромная и красивая, эта рыба. Я тоже немного поучаствовал, я ведь не слабый мужчина, но сил не хватило надолго, и за дело взялся опять мой спутник и в конце концов одолел ее. Сильный, отчаянный парень, каким может быть только наркоконтрабандист... Вечером мы сидели в баре, в который набилось полно народу, и ни одного туриста — все такие же, как он, и их девушки — тоненькие, смиренные, но глазастые — и эти глаза иногда сверкали так, что я бы не решился подойти познакомиться, потому что такая не будет думать, прежде чем пустить тебе пулю в лоб. Друг попросил музыкантов спеть песню и сказал, что это — баллада о нем и о его хозяевах. Его уважают в Синалоа, и он сказал, смеясь: «Значит, меня скоро убьют». У нас есть общая фотография, где мы держим нашу большую рыбу. Я тебе перешлю...

— Где хоть это — Кульякан? — спросил я устало, но не услышал ответа, только тихонько потрескивало пространство у меня в кулаке.

Жена была дома: ухаживала за простуженной дочкой. Я зашел в аптеку, завернул в магазин и взял там хлеба и колбасы, обнаружил, что все опять подорожало, с трудом пробился обратно сквозь липкий, противный снег и долго топал у порога. Таблетки я отдал жене, а сам примостился в прихожей приводить в порядок запорошенную одежду. Дочка раскапризничалась и причитала, что лекарство очень горькое, а жена отвечала ей: «А ты не болей, тогда и горько не будет».

Потом она подошла и, помолчав, спросила, наблюдая, как я чищу ботинки:

— Что, он опять позвонил?

— Как ты угадала? — спросил я, оббивая края подошвы.

— У тебя всегда становится такое упрямое лицо, когда он звонит... Ты очень смешно злишься.

— Вот еще. Ни капельки не злюсь.

— Может быть, — спокойно сказала жена. — Откуда же он дал знать о себе в этот раз? Я поставил ботинки в угол.

— Я даже не разобрал. Он же не человек, а ходячий географический атлас. Какой-то Куалькан или Кульякан.

— А это где, пап? Такое красивое слово! — крикнула дочь, которая, оказывается, прислушивалась к нашему разговору.

— Не знаю, малыш, — ответил я. — Я же не атлас...

К выходным я заметил в библиотеке прибавление, удивился, открыл новую книгу и прочитал: «Я всегда полагал, что мексиканские наркобаллады — просто песни, а „Граф Монте-Кристо“ — просто роман. Так я и сказал Тересе Мендоса в тот последний день, когда она, окруженная телохранителями и полицейскими, согласилась принять меня в доме, расположенном в районе Чапультепек города Кульякан, штат Синалоа».

Детектив, значит: полиция, телохранители. Наркобаллады. Кульякан, штат Синалоа. Мексика.

3.

Весной потек не только снег, но и кран на кухне, и жена, многозначительно глядя мне в глаза, сказала:

— Нет вещи в мире тоскливей, чем звук капающей воды.

Промаявшись ночью до двух часов — меня одолевает в это время года бессонница, — я отправился варить кофе, пребывая в том пограничном состоянии, когда все вещи кажутся такими, какие они есть на самом деле. Когда он позвонил, я пытался вычислить промежуток, через который падают капли, и никак не мог посчитать секунды.

— Угадай, где я?

Гнев поднялся во мне, и без того раздраженном, и захлестнул с головой, я не сдержался и закричал в голос, забыв о том, что жена и дочь спят, что на улице — оттепельная, пахнущая прошлогодним тленом ночь:

— Ты! Ты достал меня! У меня тут кран течет, ты можешь это понять, кретин? Почему я должен угадывать, где, в какой дыре ты шляешься? Почему ты позволяешь себе звонить по ночам?

— Я на берегу Северного Ледовитого океана, на берегу бухты Фробишера, — хихикнул мне в ухо далекий голос. — Этот поселочек считается городом и называется Икалутит. Икалутит, старина, — это в переводе с эскимосского «рыбное место», рыбное место на Баффиновой земле. Бухта забита льдом, и лед совсем белый, прямо как сахар, и ровный-ровный, отшлифованный, да так оно и есть — ветер его загладил, заласкал. Только иногда выбиваются плиты льда, там и сям, отбрасывают резкую тень, будто авангардистское полотно. Здесь очень холодно, вчера был такой буран, что я чуть не отморозил нос, хотя хожу в специальной маске. В такую погоду лучше вообще не выходить из дому — так и заблудиться недолго, и тогда пропадешь — в нескольких метрах от жилья. Зато сегодня солнце просто ослепительное — вот оно, падает на бухту и бурые холмы.

— Провались ты пропадом вместе с этой бухтой и холмами.

— Местные эскимосы сказали, что здесь полно живности, хотя в это трудно поверить. Белые медведи на бурых холмах, они охотятся на тюленей. Овцебыки — странные такие животные — огромные, лохматые, с острыми рогами и выступающим лбом; они сами похожи на холмы. Олени, а за оленями волки и лисы. Эскимосы говорят на совершенно потрясающем, абсолютно непонятном диалекте: очаровательная тарабарщина! У их стариков лица похожи на кору клена, а у девушек — широкие ноздри и очень милая улыбка. Они, кстати, просят называть себя — инуиты, это значит — «люди», а эскимосы — это, оказывается, словечко кри. «Те, кто ест сырое мясо», — так их величают индейцы, и им это не нравится...

— Сейчас полтретьего ночи, и у меня течет кран, — сказал я злобно. — Я не хочу слышать об эскимосах! Оставь меня в покое!

— Икалуит, столица территории Нунавут, самой обширной из всех канадских провинций и самой дикой, — неторопливо шелестел голос, преодолевая пол земного шара, — Готов поспорить, что уж сюда-то редко кто добирался. Край света! Есть поселения и севернее, но это я уже, наверное, летом попробую. Все-таки здесь холодно. Здесь еще далеко до весны, ветер и солнце злые, обжигают щеки, но все-таки здесь здорово — красота совершенно инопланетная. Меня возили на северо-запад острова; видел бы ты, какой там пейзаж. Земля падает в воду совершенно ледяного голубого цвета — отвесно, голыми уступами, без малейших признаков растительности, до блеска протертыми ветром, как полотенцем; эти утесы — мускулы здешних мест. Мускулы без кожи: ведь снег не держится на этих склонах, но он накрывает шапкой горы подальше, в глубине земли, и оттуда по аккуратным вырезанным в побережье, словно какой-то мастер стамеской поработал, плавным ложбинам долин ползут к океану ледники. С вертолета они похожи на мрамор — с узорами, прозрачными прожилками. Такая у эскимосов земля...

— Боже, ну зачем ты мне все это рассказываешь? — простонал я, но тут что-то щелкнуло, и воцарилась тишина, разбиваемая только тонким посвистыванием, — ветер дул через полмира мне в лицо.

Я поежился и оглянулся: они все были в сборе, никто не спал.

— Папа, а что, он у эскимосов? — спросила дочка, округлив глаза.

— Ты так громко кричал, что мы испугались, — укоризненно сказала жена.

— Извините. Он сегодня особенно не вовремя, — ответил я. — Кран этот... Утром вызову мастера. Идем спать. И почему я должен выслушивать эти бредни?

— А почему ты должен их выслушивать? — тихо спросила жена, и я увидел румянец на ее щеках: они светились, будто с мороза.

Я пожал плечами.

— Ну... не знаю. Невежливо как-то трубку бросать... Человек все-таки издалека.

Неожиданно в голову мне пришла блестящая мысль:

— А вдруг не издалека? Может быть, это все выдумка, розыгрыш? Он, поди, в жизни ничего не видал, никуда не ездил — сидит у компьютера, смотрит Википедию и фотографии в Интернете, а потом вешает мне лапшу на уши. Все, больше не буду с ним разговаривать. Кончено!

— Не все ли равно, где он сидит, — сказала жена. — Дело совсем не в этом.

Глаза у дочки совсем стали круглыми.

— Пап, а как же эскимосы? У них такие замечательные собаки! Я читала!

— Э-э-э... Собаки... У эскимосов... Хм, — растерялся я. — Спрошу в следующий раз.

Жена мечтательно улыбалась, глядя в окно на громады соседних многоэтажек, где в ранний час еще не светился ни один абжур.

— Может, мы тоже съездим куда-нибудь? — спросила она.

И дочь подхватила:

— Давай съездим, папа, папочка! Давай объедем вокруг всего света!

Я помотал головой и вздохнул.

— Пойдем-ка лучше спать, девочки. Утро вечера мудренее. Сейчас не время: работы полно. Меня сейчас никто не отпустит... В любом случае сейчас еще рано для поездок: еще не растаял снег... Лучше с утра я вызову сантехника, и он починит нам кран.

Я подмигнул поникшей дочке и заметил, что жена перестала улыбаться и сделалась печальна.

4.

Я потерял сон и аппетит, потому что все время ожидал звонка — звонка из любой точки земного шара. И он звонил — звонил, когда я пытался заснуть, когда мы отправлялись на семейную прогулку, когда я сидел на совещании или пресс-конференции, когда у меня схватывало живот и я записался в сортире.

Я пытался заниматься своими делами, принимал таблетки от расстройства желудка, проверял, как дочка сделала уроки, и водил ее в музыкальную школу, писал статьи и ругался с руководством из-за зарплаты; а он рассказывал мне, как бродит в цветении яблонь и вишен вдоль фахверковых домов в Пуатье, созерцает утренний туман над Гангом в Уттаркханде, пересчитывает поднимающиеся ввысь гигантской лестницей над прозрачайшими водами Байкала мраморные хребты Хамар-Дабана, наблюдает девятиметровую приливную волну на реке Цаньтян, знакомится с миниатюрной азиаткой на тиковом мосту У-Бейн в хаотичном Мандалае.

Тем временем началась война, и я стал уделять семье гораздо меньше внимания, просиживая на работе иногда и сутками: мой талант оказался наконец востребован, и я не хотел терять свой шанс.

В музыкальную школу дочь теперь водила жена, и они часто стали заходить в парк рядом с нашим домом — обыкновенный, грязноватый городской парк, весь в клочках нерастаявшего снега, как в вате. Он весной наполнился запахом шашлыков, которые мастерски готовил один знакомый грузин, детским смехом, вылезшими из нор после зимней спячки пьяницами, степенно гуляющими по аллеям пожилыми парами. После таких прогулок они вдвоем долго о чем-то шушукались, перемигивались, блестя на меня своими чудесными личиками, будто бы объединенные некой неведомой мне тайной, и я радовался за них, но не с ними.

Жена и дочь звали меня, но я так уставал на работе — я занимался беженцами, разбомбленными селами, миссиями примирения; у меня перед глазами стояли равнодушные лица тех, кто кричал громче всех про нашу правоту; меня тошнило от мерзости военного времени, и вместо весеннего ветра я обонял затхлый дух окопа; я описывал все это в своих статьях и стал довольно популярен в определенных кругах.

И тем больше я злился, когда в самый разгар передачи последней фронтовой сводки в кармане начинал трепыхаться смартфон, который я не мог отключить, потому что все время приходилось ожидать важного разговора, но вместо эксклюзивной информации задорный голос спрашивал напористо и весело:

— Угадай, где я?

Я стал худеть, нервничал и кричал на жену и дочь, а те молчали, и в их глазах я видел ожидание рассказа, разгадки: где он оказался на этот раз.

— Ну что ты мучаешься? — сказал мне коллега, мудрый человек, который не знал такой проблемы, которую не мог бы решить.

Я рассказал о звонках. Коллега пожал толстыми плечами:

— Не хочешь его слышать, не отвечай. Просто игнорируй его. Не можешь не ответить, сделай так, чтобы он не мог позвонить.

— Как? — спросил я растерянно.

— Смени номер, — сказал коллега буднично и принялся говорить о последних победах наших героических сил.

В первый раз за долгое время я возвращался домой оживленный, и вдруг я увидел своих девочек. Они, видимо, возвращались из парка: обе свежие, молодые, полные сил; и они пели. Они шли, взявшись за руки, и пели, и до того славно у них это выходило, что прохожие останавливались, вслушивались и улыбались. Я вдруг

осознал, что моя жена — снова красавица: плавные линии ног и бедер, сильная спина, гордая тонкая шея, точеные черты лица, увенчанные копной великолепных волос, — она словно вернулась на много лет назад, она опять стала той девушкой, с которой мы ночью танцевали танго на пляже Ланжерон.

И дочка, размахивающая тонкими ручками, сияющая огромными глазами навстречу каждому, кто хотел заметить ее маленькое счастье; счастье переполняло ее хрупкую фигурку, кудряшки и веснушки, оно ясно звучало в серебряном голоске, который выводил ноты без фальши, в то время как жена все-таки чуть-чуть сбивалась с ритма. Как я любил их в этот момент! Они же ничего не замечали — они пели.

Мы пришли домой почти одновременно, и они накинлись на меня, раскрасневшиеся после прогулки, стали, перебивая друг друга, рассказывать про парк, его аллеи, набережную реки, про то, какой вкусный шашлык они ели, и даже снова пытались спеть, но получился диссонанс, и они расхохотались; я любовался женой и дочерью, и тоже хохотал, и сказал:

— Вот и славно.

— Мы хотели тебя позвать, но почему-то не смогли дозвониться, — сказала жена. — У тебя все время «абонент недоступен».

Она засмеялась:

— Какой ты у меня недоступный абонент!

— Ах, да, я забыл совсем, — небрежно ответил я. — Я же поменял номер. Поставил новую сим-карту.

Дочка глянула недоумевающе и побежала в свою комнату, но я смотрел на жену и наблюдал поразительное превращение: только что она была тонкой статуэткой с прозрачной кожей, которую изнутри подогревал прекрасный огонь, и вдруг по ее лицу побежали трещинки, набряк нос, заволоклось туманом глаза, раздались бедра, поникли плечи и поблекли волосы.

— Зачем? — тихо спросила она.

— Теперь меня не будут отвлекать, — пояснил я. — Я не могу больше часами разговаривать с безумцем, который звонит в любое время дня и ночи и несет какой-то бред. Война, а ему хоть бы хны. Вчера он звонил якобы из Марракеша и рассказывал про мечеть Кутубия, акробатов на площади Джемаа-аль-Фна, про какой-то красивый город, пальмовые и оливковые рощи. И все это тогда, когда мне надо слушать выступление президента!

— Теперь тебя не будут отвлекать, — тихо повторила жена.

— Не расстраивайся, малыш, — ласково сказал я. — Скоро у меня отпуск, поедem к твоим родителям на дачу, там хорошо. Дочке там нравится. Оливковых рощ нет, но есть чудесный сосновый лес и озеро. Будем отдыхать, купаться, дышать воздухом, и я отключу телефон к чертовой матери, чтобы никто не мог мне дозвониться. Никакой политики, никакой войны, никаких бредней!

— Никаких бредней, — прошептала жена.

5.

В отпуск мне съездить в то лето не довелось: наступила кульминация, нас атаковали по всем фронтам, и люди ходили в тревоге и выдвигали инициативы и планы спасения нации один серьезнее другого, и потом оказалось, что это хитрый маневр с целью завлечь врага в ловушку и разгромить в котле. Разгром грянул, по крайней

мере, нам объявили о том, что это случилось; и наступил жаркий, потный день победы, утонув в котором я описывал патриотические митинги и военный гений нашего командования; а люди кругом были горды и поздравляли друг друга — речи и выдохшееся отечественное шампанское лились рекой.

Домой я не спешил, там было гулко и пусто: жену и дочь я отправил на дачу к теще с тестем — загорать, купаться, бродить по лесу, дышать воздухом. Мне отдых, право слово, пришлось бы не ко времени — ведь мы переживали исторический момент, до леса ли? Я даже не каждый день звонил им.

Я скоро оглох от победных реляций, и мой мудрый коллега проницательно заметил:

— Тебе надо сменить жанр, друг мой.

— Разве это сегодня возможно? — спросил я.

Коллега вытащил из своего ящика бутылку коньяка, зубами, не стесняясь, извлек пробку и плеснул напитка в чайные чашки и себе, и мне.

— Есть такие дни, когда надо разрабатывать только одну тему, — важно изрек он. — День одного жанра. Но сегодня не тот случай. Слишком много ликования — тоже вредно. Надо охладить горячие головы, отвлечь народ, а то ведь они возомнят, что славная виктория на фронте дает им право на победы в тылу... Посмотри-ка вот эти материалы. Слепи из этого заметочку на сайт: такие темы здорово увеличивают трафик. Люди любят всякие угадки.

Я взял растрепанную папочку, открыл ее и уставился на несколько переводных статей из иностранных газет и журналов, а также пачку фотографий молодого загорелого мужчины на белой яхте, в синих горах, у желтой реки, рядом с мощными пальмами, в древнем городе.

Загадка века, говорилось в этих заметках, тайна. Пропал путешественник, который объездил весь свет. Его книги издавались огромными тиражами, ими зачитывался весь мир: от домохозяек до общественных деятелей и артистов, от фермеров до офисных клерков — он открывал окно в мир всем, давая возможность прикоснуться к прекрасному в самых разных частях света: в Америке и Африке, в Европе и в Азии, в Австралии, даже в Антарктиде. Пропал человек, избравший своей профессией путешествия и познание, и уже месяц никто не может его найти. Что с ним случилось — произошел ли несчастный случай, пресытился ли он яркими впечатлениями и уединился где-нибудь в тихом местечке; может быть, его заставила затаиться любовь или тяжкая болезнь, или, по мнению некоторых экспертов, это ловкий маркетинговый ход, рекламный трюк угасающей звезды? Никто не знает. Загадка века! Тайна.

Я смотрел на фотографии и недоумевал: мы ведь ровесники, как же он смог так хорошо сохраниться? Я ведь тоже неплохо выгляжу, но возраст берет свое: шевелюру давно разбавили седые волосы, животик превратился в символ успешности и солидности, кожа стала шершавой, и я частенько маюсь больным желудком, ломотой в костях и задыхаюсь, когда взбираюсь по лестнице.

А он словно бы и не менялся с времен нашей юности — все то же сильное тело, мощные ноги и руки человека, привыкшего много двигаться; объемная грудь, просто созданная для вдыхания сладкого, свежайшего воздуха; поджарый мускулистый живот, у которого не может быть проблем с усваиванием пищи; открытое, смелое лицо, обрамленное выгоревшей на солнце курчавой бородой. Бог мой, я бы не дал ему больше двадцати лет! И яркие ласковые глаза, в которых отражались небо и море, которые видели Вальпараисо, Кульякан, Икалут и еще тысячи, десятки тысяч городов, поселков, гор, рек, бухт и озер. Он смотрел на меня с фотографий и смеялся надо мной, он словно говорил мне:

— Угадай, где я.

— Не буду я угадывать, где ты, — ответил я ему, и мой мудрый коллега с тревогой оглядел меня, недоумевая, почему я заговорил с фотографией, и поторопился плеснуть еще немного коньяка.

Я позвонил жене и рассказал ей, что только что написал записку о пропавшем путешественнике.

— Почитай завтра у нас на сайте... Можно было бы теперь восстановить старый номер, да, наверное, не буду: все нужные контакты уже на новую симку перевел, — сказал я.

— А ненужные? — спросила жена.

— От ненужных я как раз и избавлялся. Зачем они мне? — ответил я, довольный собой.

— Зря, — тихо сказала жена. — Ненужные контакты часто становятся востребованными, особенно когда их уже невозможно восстановить.

Я разозлился:

— Ты опять откуда-то набралась всяких глупостей. Ни за что не поверю, что ты ведешь такие разговоры с тестем. Он уже старый человек, он не станет слушать твои умозаключения: они совершенно лишены логики!

Жена ответила, и я по мягкому голосу понял, что она улыбается.

— Нет, не с ним, хотя папа меня бы понял. Мне не так давно звонил наш путешественник, который, как ты говоришь, пропал.

— Вот те на! — я почувствовал, что у меня перекашивает рот от злобы.

— Да, милый. Он все время звонит мне — с тех пор, как ты поменял телефон. Мне-то интересно с ним говорить. Он так потрясюще рассказывает о том, где побывал, что видел... Это так захватывает.

Сердце заколотилось, забилося у меня в груди; я закашлялся и, кашляя мучительно и нутужно, выдавил:

— Что же ты мне не сказала?

Наверное, она там, на даче, сидя на веранде и вытянув ноги, пожала плечами.

— Ты же так занят, милый. Тебе же всегда было неинтересно. Это тебя только злило...

Она помолчала; связь была хорошая, и я услышал на заднем плане звонкий голосок дочки.

— Знаешь, он рассказал, что посетил последнее место, которое еще не видел. Попросил угадать, где это, и я, конечно, не угадала: Дингуолл в Шотландии, под Инвернессом. Там есть два замка, и он их так забавно описывал — говорил, что они соединены подземным ходом, и в них есть призраки: он даже сфотографировал одного. Это было привидение юной девушки, и оно отчаянно кокетничало... Он обещал переслать фотографию. И еще он сказал, что на Земле огромное количество мест, куда стоит съездить, но ему все они теперь знакомы, а он не хочет повторов. Он сказал, что теперь желает посмотреть звезды... Он смеялся: ведь это занятие, которым можно заполнить вечность.

— Так он что, с собой покончил, что ли? — резко спросил я. — Бог мой, он всегда был ненормальным.

— Этого я не знаю, — степенно ответила жена. — Он не докладывал о своих планах. Но он сказал, что весь доход от книг он переводит на меня — ведь это я беседовала с ним, приветствовала его, рада была его слышать в любое время суток. Это большая сумма. Теперь ты можешь оставить свою жуткую работу. Мы тоже сможем поехать путешествовать! Дочь мечтает об этом...

И тут я сорвался.

— Никаких доходов нам не надо! — заорал я. — Я сроду чужое не брал и не возьму, все заработаю сам, своим трудом, да — только сам! Если для этого надо прогнуться, я прогнусь, но заработаю, заработаю! А тебе я запрещаю брать какие-то нелепые доходы от пустых книжонок. И заканчивай дочь настраивать черт знает на что, ей учиться надо. Вырастит, пусть ездит, если к тому времени не отобьет охоту. Путешествовать им захотелось, напел бездельник и сумасшедший в уши, а они туда же. Ха, да он, наверное, в тебя влюбился! В чужую жену!

— Может быть, — прошептала она.

— Забудь про этого идиота, — пробурчал я, успокаиваясь. — Впрочем, он был славным парнем, только не от мира сего. А за деньги спасибо, не помешают: ремонт в квартире наконец сделаем. Если хватит, свою дачу купим, хватит у тестя на шее сидеть. Я знаю одно местечко, очень мне советовали. И соседи там подходящие — мои коллеги.

Она не слушала меня. Она мечтала. Она глядела на лес, на качающуюся на качелях дочь и вспоминала, как путешественник рассказывал про то, как он заселился в отель и случайно обнаружил, что живет в замке Туллох в Дингуолле, Шотландия; очень забавно вышло.

— По-моему, он был очень одиноким, — сказала она. — Интересно, счастлив ли он? И положила трубку.

6.

А осенью они исчезли.

Одна война закончилась, но мы начали другую; мой талант стал востребован настолько, что меня повысили в должности, и у меня не нашлось ни одного дня, чтобы съездить навестить девочек. Я с трудом выбил два выходных, чтобы перевезти их в октябре в город, и задумал сюрприз: обрадовать неожиданностью приезда. Но явившись на дачу, я застал стариков — тестя с тещей, мирно покачивающихся в креслах перед камином в доме, стоящем посередине кленовых листьев и рыжей хвои. На террасе стоял стол, тоже усыпанный иголками, на котором лежали грибы — последние, наверное, в этом году подосиновики, подберезовики и даже парочка белых. Тесть удивленно сказал:

— Ты разве не знал? Они уехали куда-то в гости. Кажется, к какому-то вашему другу. Странно...

Это была ужасная, темная, дикая осень. Я совсем извелся, сходил с ума, окружающие жалели меня, мой мудрый коллега извел на меня весь запас коньяка. Я искал везде, обегал все больницы, просил помощи у властей и в силовых структурах; я тряс удостоверением, орал и грубил — и в следующий миг унижался и умолял, даже рыдал; я давал взятки, добивался приема у высокопоставленных чиновников; напрасно. Случилась великая тайна — они исчезли; я стоял перед этой загадкой, как перед крепостной стеной, не в силах ее преодолеть. Я напоминал себе полководца, который уверен, что за спиной ожидают приказа огромные силы, но, оглянувшись через плечо, видит только скачущего прочь оруженосца.

Утешало меня немного только то, что ее родители по электронной почте получали короткие уведомления: с нами все в порядке, говорилось в этих строках, дрожащих на мониторе крохотными пляшущими человечками, с нами все нормально, пока нет времени написать подробнее, любим, целуем. Один раз дочь прислала фотографию какого-то диковинного, пышного цветка, и даже ее бабушка не смогла определить, что это за растение.

Тесть и теща тревожились меньше.

— Ты разве не знал, какая она упрямая и взбалмошная? — сказал как-то старый человек, продолжая качаться в своей качалке. — Если уж вбила что в голову, так обязательно исполнит, и не сомневайся. Помнишь, мать, как она удирала в походы в школе? Уж мы ее и ругали, в угол ставили, и как только не наказывали, а она все равно удирала — и мы смирились. Лучше, подумали мы, заранее знать, где и с кем она болтается, чем потом по потолку бегать. Ничего, парень, потерпи, появятся.

— Да она же с дочкой! Дочь еще так мала! — орал я, заставляя ветки елок трепетать и сбрасывать смолистые иголки. — Как она могла так просто взять — и исчезнуть! Ничего не сказать! Как она могла! Как вы можете быть такими равнодушными!

— Видать, что-то сильно ее зацепило, сынок, — спокойно сказал старик от камина, — а внучка у нас смышленнее иного взрослого, правда, мать?

И тихая, благообразная старушка, улыбаясь, закивала белой головой.

Я бежал с дачи со всех ног — от их кресел-качалок, от их бесконечного спокойствия; во мне бурлили сила и жажда действия, и если бы передо мной встала гора, я бы ее свернул в один миг. Но все изыскания были тщетны, энергия уходила в пустоту, я не знал, где девочки, и только лаконичные письма — «любим, целуем» (о них прилежно извещал тесть) — давали мне поддержку и надежду.

Мудрый коллега, глядя на мои метания, предположил:

— Может, к любовнику удрала? Но-но, только, пожалуйста, без рук, ты!

— Не такая она женщина, чтобы так поступить, — остыв, сказал я. — Нет, конечно, нет. Налей-ка мне еще коньяку.

Вскоре я с изумлением обнаружил, что начинаю привыкать к пустой квартире, из которой потихоньку испарялись присущие жене и дочке запахи. Я как-то незаметно для самого себя распахнул по темным углам их вещи, чтобы они не мозолили глаза и не мешали работать. Я перестал машинально надевать куртку в тот час, когда раньше провожал дочку в музыкальную школу. Я дошел до того, что взял тряпку и сам протер книжные полки — вот до чего я дожил.

Так проходила скользкая и мокрая осень. Она поливала нас холодными дождями, и нагоняла тоску в меру своего умения и способностей, и никак не хотела умирать, упорно влачила серое и скудное существование, не уходила. И сразу ушла, в одну ночь. Утром я открыл глаза рано и увидел за окном неясное белое свечение — это выпал снег и, точь-в-точь как в прошлом году, запорошил все следы. Я старался отыскать на нем хоть один отпечаток, но тщетно: ни одной отметины, ни одного бугорочка, ни одной выемки — сплошная ровная белая поверхность, уже схваченная поблескивающим в свете фонарей настом.

7.

Это случилось первого января: опять мела проклятая новогодняя пурга, предвещающая год еще более сложный и хлопотный, чем прошедший. Я вернулся с дежурства, окаменев от военных сводок и метели, долго топал ногами у двери и грел под мышками озябшие руки: забыл перчатки — вернее, забыл, есть ли у меня такие вещи.

Мои дела шли в гору: меня ставили всем в пример как человека, перенесшего большую утрату, но не опустившего руки и не покинувшего свой пост. Перед выходными меня вновь повысили — я стал важной фигурой, но зарплату не подняли, сославшись на кризис.

— Вы патриот и не будете претендовать на роскошь, когда страна испытывает сложности, — сказали мне, нисколько не интересуясь моим мнением, и я кивнул, стиснув зубы.

Дома я включил во всех комнатах свет, чтобы не чувствовать себя одиноко, и разбивал в немытую сковороду яйца, потому что устал и проголодался. Я намеревался поужинать, выпить и лечь спать. Звонок раздался, когда я разбил третье яйцо.

— Угадай, где мы, — сказал весело твердый и звонкий голос. Ее голос.

Я уронил яйцо на пол и глядел, как по давно не мытому линолеуму расплзается желток. Ноги у меня подкосились, и мне показалось, что я полетел, а затем я куда-то приземлился, но не понял куда. Мне вдруг стало жарко и сразу холодно до дрожи, и выступивший пот быстро остывал на лбу и бровях.

— В Вальпараисо! — объявила жена. — Знал бы ты, как здесь чудесно. Здесь действительно Тихий океан — он почти фиолетовый. Мы на прошлой неделе были в Патагонии и видели гуанако, а на озерах там гнездятся фламинго. Мы ездили в парк Торрес-дель-Пайне, ах, какие там скалы, милый! Невероятно — голубые озера, и в них отражаются снежные гранитные вершины. Они похожи на иглы, вокруг них летают кондоры, а у подножия растут буки и кипарисы. Один гаучо подарил дочери орхидею... А сейчас мы пойдем вниз, в город, гулять по прелестным мощеным улицам, позже мы будем есть казуэлу, и я позволю себе бокал вина из долины Майпо — под звуки танго — о, как я люблю танго, как в Одессе, помнишь? А ты что делаешь, милый?

— Я тебя слушаю, слушаю, — произнес я хрипло, забыв о яичнице, и она продолжила рассказывать о ярко раскрашенных домах и самых старых в мире троллейбусах, а потом трубку выхватила дочка и затараторила быстро-быстро: она уже покаталась на всех шестнадцати городских фуникулерах — пестрых маленьких вагончиках, а нанду оказались такие смешные, папа, и мы познакомились с добрым дядькой-крестьянином; он пас овец в тех степях, которые здесь называются пампасы.

— Я слушаю, слушаю, говори, ты только рассказывай — я все вижу! — шептал я.

Трубку снова взяла жена. Она рассказывала, и я знал, что будет дальше — я угадывал, да, угадывал — Кульякан, штат Синалоа, Мексика; Икалуит, территория Нунавут, Канада; Дингуолл, область Хайленд, Шотландия и многое, многое другое — тысячи, десятки тысяч городов, поселков, гор, озер, рек и морей.

Огромный полигон для игры в угадайку.

ТАНЦЫ НА УГЛЯХ

Вечером мы вернулись из одного горного села, где нестинары танцевали на углях. Деревня находилась где-то высоко, но не так высоко, как Шипка. На Шипке сразу становилось понятно, на какую высоту мы въехали, и с меня там сошло семь потов, когда я карабкался по лестнице к этой чертовой башне — памятнику Свободе. Свобода — это прекрасно, но я запыхался.

С пика все любуются потрясающим видом на перевал и окрестности, там целая огромная горная страна, и во все стороны торчат установленные на горах пушки, и на склонах стоят ухоженные обелиски; тропинка ведет на серые игольчатые скалы, покрытые мхом, по которым мой друг прыгал, словно горный козел, с превеликим удовольствием. Но для меня там оказалось высокогато.

Я сделал оттуда целую серию панорам — и как горы, такие зеленые вблизи, растворяются в голубизне, и как под ногами круто все обрывается вниз, и там, внизу, плывут облака и цепляются за ели, и летают птицы; но я был рад, когда мы поехали дальше — помнится, тогда путь наш лежал в Габрово.

В этой деревне с нестинарами склоны гор казались пологими до тех пор, пока дорога не выходила на обрыв, и тогда раскрывалась огромная, полная воздуха долина

с крошечными коробочками домов внизу, вся расчерченная квадратами лесов и полей и серебряными лентами рек, которые текли к морю. Такие ленты вяжут на священные деревья. Иногда под ними и дерево-то незаметно — сплошной клубок лент.

Моря от деревни видно не было, оно лишь угадывалось вдали, там, где горы расходились, словно долина раздвинула их локтями, и с той стороны дул ветер, сильный и горячий. В деревне у забора с чрезвычайно унылым видом стоял осел, земля была распаханна, а там, где росла трава, под деревьями паслись лошади. Лошади смотрелись очень красиво, но нам стало жалко осла — уж больно он был несчастен.

Дождаясь захода солнца, мы сидели в доме у крестьян и обедали, а перед нами выступали танцоры. Нам подали мясо с картошкой — сытное, но не очень вкусное блюдо. Мне показалось, что в нем маловато соли. Мясо мы запивали молодым вином — оно сильно бросалось в ноги. Музыка играла громко, гулко били бубны, и очень резко взвизгивали скрипки, а гармонь придавала звуку густоту. Иногда танцоры вскрикивали, они кружились, прыгали по комнате и были разодеты в пестрые национальные рубашки; в глазах рябило, и все вокруг хлопало, но я бы предпочел пить вино в тишине.

Когда стемнело, нас повели смотреть танец на углях, и кряжистый, будто выточенный из дуба мужик с обвислыми усами, весь состоящий из бугров и узелков, сделал из углей багровый крест и долго ходил по ним, и крест расплылся, не причиняя мужику боли. Эти люди знали, до какого состояния нужно довести угли, и кожа на подошвах у них, наверное, отросла слоновья. В этом деле они тут в деревне были специалисты.

Мужик танцевал под жесткую мелодию волынки, а потом взял на руки какого-то ребенка и стал кружиться по углям с ним. Все притихли, только бараны и птицы шевелились в сарае, расположенном недалеко от круга. Я хотел сфотографировать нестинара, но никак не мог сообразить, как сделать так, чтобы кадр получился: наступила ночь, свет давали только угли, а у меня слишком расшумелось в голове от молодого вина.

На обратном пути я заснул и проспал всю дорогу вниз, к морю. У отеля меня разбудили и рассказали, что наш автобус чуть не опрокинулся в пропасть, потому что гнал в темноте по горным серпантинам на сумасшедшей скорости, и никто ничего не видел, только фары то упирались в скалу, то проваливались вниз; машину немилосердно трясло, но даже это не разбудило меня.

— Да, болгары, они такие, они любят гонять по дорогам, — отметил мой друг.

Он был бледен, и я сказал ему об этом.

— Станешь тут бледным, парень! Такая гонка! — ответил он.

Я пожалел, что проспал самое интересное, но потом мы пошли ужинать и заказали гювеч, а мой друг еще и чорбу.

— Я, когда нервничаю, очень кушать хочу, — приговаривал он за ужином. — А я нервничаю. Глупо было выжить под Иловойском после той мясорубки, которую там устроили ваши бандиты, и умереть, кувыркаясь в старом «Икарусе», который ведет пьяный жирный болгарин.

— А он был пьян?

— Так же, как и ты, — ухмыльнулся мой друг. — И, по-моему, тоже спал. За рулем. Ты что, не заметил, как он дул вино?

Нам было немного грустно, но мы запивали гювеч ракией «Бургас-63» и воспрянули духом, и мой друг постепенно успокоился, а я сказал себе, что нестинаров все-таки повидал, а остальное не так уж и важно. Если кто-то хочет успокоиться после таких дел, то «Бургас-63» — самое оно. Это лучшая ракия на всем побережье Болгарии.

Приятно было пить ракию в этом ресторанчике. Мы сидели около печи, с которой свисали связки трав и зеленого перца. Если поднимался слишком сильный ветер с моря, официанты опускали клеенчатый полог, и жизнь казалась прекрасной.

— А вот в Москве я не пью ракию, — сказал я. — Невкусно. В Москве ракия не идет. Друг пренебрежительно фыркнул.

— Каждому напитку — свое место, — глубокомысленно сказал я. — Не могу в Москве я пить ракию.

— К дьяволу Москву, — заявил друг. — К черту ее. Не хочу даже думать сейчас про Москву.

— Тогда и Киев к черту.

— Нет. Киев нельзя посылать к черту. Не получается.

— Почему же Москву можно, а Киев нельзя?

— Не знаю. — Мой друг задумался, а потом встрепенулся. — Знаешь, и правда ведь. Я люблю Москву и Киев тоже люблю. Но вот ведь как интересно! Москву я могу послать к черту, а Киев — нет. Язык не поворачивается. Слушай, как интересно получается. Москву можно, а Киев нельзя.

Спорить мне не хотелось.

— Эй, ты не забыл, что мы на отдыхе? — спросил я, пока мой друг не помрачнел. Он был веселым человеком, но после того, через что ему пришлось пройти, он иногда мрачнел. Тогда он становился нехорош. Он становился нехорош настолько, насколько он был великолепен веселым.

Он посмотрел на меня и улыбнулся, и я расслабился, потому что увидел, что это — мирная и добрая улыбка.

— Ладно, парень, — сказал он. — О-кей. Мы на отдыхе. И я, чтобы все были равны, готов послать к черту и Москву, и Киев. Черт с ними со всеми.

Я поглядел туда, где в темноте горбились поросшие кустарником дюны. За ними было море: невидимое отсюда, но шумное. Казалось, что там, где море, в темноте кто-то мерно и мощно дышит.

— Да, к черту это все, — согласился я. — Налей еще «Бургаса». Это очень хороший сорт.

В ресторанчике работали красивые официантки. Некоторые понимали русский язык. Одна девушка согласилась посидеть с нами. Она рада была немного передохнуть.

Официантка рассказала, что родом из Молдавии, живет со своим молодым человеком в Велико-Тырново и заканчивает педагогический факультет университета Кирилла и Мефодия. В Молдавии бедно, но у нее отец — болгарин, и он ее забрал из Кишинева. В Болгарии тоже очень бедно, но лучше, чем в Молдавии. Официантка тараторила легко и быстро, четко произнося звуки. Она прекрасно говорила по-русски, только иногда запинаясь, вспоминая слова, и тогда нетерпеливо прищелкивала узкими пальцами. Девушка говорила, что каждое лето ездит работать на побережье и проводит здесь весь сезон, зарабатывая деньги. В Болгарии можно заработать только на побережье. Все стремятся к морю летом, и не у всех получается найти дело, потому что слишком много народу, и турки здесь же, и греки, и даже сербы. Но хозяин давно ее знает, доверяет и всегда дает работу. Он пока держит ее на зарплате и чаевых, но она на хорошем счету и надеется через несколько лет войти к нему в долю.

Мы и хозяина, разумеется, прекрасно знали. Это был еще молодой, но уже невероятно толстый турок. Он часто приходил и сидел за столиком у кассы, а когда видел знакомые лица, поднимался и с достоинством, но радушно пожимал всем руки. Это был обходительный человек, который страшно гордился своим рестораном.

А девушка была длинноногая, худая, угловатая, с маленькой острой грудью, у нее смешно торчали во все стороны коленки и локти. Она коротко стриглась, и это ей шло. Все знали, что она — хорошая официантка, и рады были, когда именно она обслуживает столик.

— Купаться-то тебе удастся, девочка? — спросил я.

— Редко, — сказала она с сожалением. — Очень много работы. Мы заканчиваем в час ночи, а уже в семь утра надо вставать.

Мой друг предложил ей ракии, но она отказалась.

— Не пью, — сказала она и засобиравлась вставать. Когда мой друг предложил ей ракии, она сразу стала держать себя холоднее, а до этого мы были хорошими друзьями.

Я пнул друга ногой под столом, и он мне ответил тем же, но не унимался и стал предлагать ей сходить искупаться после смены. Девушка покраснела и встала.

— А я думала, вы приличные люди, — сказала она. — Все вы, русские, такие.

Она убежала и больше не подходила к нам в этот вечер. Я поглядел на друга:

— Что, съел?

Он рассмеялся.

— Что же ты не сказал, что ты украинец? — спросил я его. — Что ты промолчал?

— А пусть она думает, что мы оба русские. Все русские такие. Пусть так и думает, — ответил мой друг, продолжая смеяться. Он хорошо смеялся, от души, показывая полный набор великолепных зубов. Я знал, что половина из них — вставные. Ему разворотило челюсть на фронте, и половину зубов пришлось вставлять заново. Но это ему не мешало, а шрам был почти не виден.

— Сволочь ты, — сообщил я.

— Не переживай, парень, — произнес он небрежно. — Я просто пошутил.

— Нет, ты все-таки сволочь. С... сын.

Мой друг пребывал в безмятежности, он подставил ветру свое красное лицо и заявил:

— А, пустое. Ерунда все это. Она подойдет завтра. А мы с тобой, парень, сейчас пойдем купаться.

Я еле отговорил его от этого. Я подумал, что не стоит ему сейчас лезть в воду: для плавания он выпил слишком много ракии. Вот уж точно было бы глупо утонуть после того, как он выбрался из дебальцевского котла и не спал по дороге к морю, глядя на то, как фары срываются в пропасть. О, это было бы втрое глупо.

Мой друг отчасти оказался прав: на следующий вечер девушка подошла, но старалась держаться моей стороны стола и даже пару раз коснулась пальцами моего плеча, и мне это очень понравилось.

Мой друг не обращал внимания на такие мелочи: он приехал отдохнуть, и он отдыхал. На всю катушку. Мой друг любил и умел отдыхать, и такие мелочи не могли испортить ему настроение. Гораздо больше он испугался автобуса, который мчался в ночи вниз по горному серпантину. Ведь если что-то случилось бы, это могло всерьез испортить ему отдых, не то что какая-то официантка.